

... В ОДЕССЕ

Мемуары, стихи, исследования

Татьяна Фоогд-Стойнова.
"Что пройдет,
то будет мило..."
(наброски воспоминаний).
Одесса, 2002.
Издательство "ТЭС" "ВМВ"

У нас мало живых, ярких свидетельств о жизни Одессе в 20-е — 30-е годы. Эта книга, написанная профессором Амстердамского университета (в прошлом, естественно, одесситкой, перебравшейся в Европу вслед за любимым человеком в самом конце войны) вводит нас в дом Александра де Рибаса, знакомит с медиками и художниками Скроцкими, показывает, что и в те трудные годы интеллигенция старалась остаться интеллигенцией.

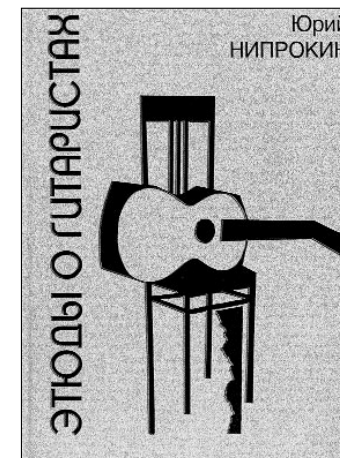
К сожалению, в книге много редакторских огрехов. Но они никак не уменьшают значения интереснейших воспоминаний о Святославе Теофиловиче Рихтере, Марии Вениаминовне Юдиной, Николае Алексеевиче Полторацком, о самой Одессе 20-х — 30-х годов.

Инна Руди. "Отблески".
Стихотворения, еврейские мотивы, театр, песни.
Одесса, 2002.
Издательство "Optimum".

Театральные зонги, городские романсы, стихи Инны Руди, хоть пока вышла только первая книга автора, уже давно привлекли внимание любителей поэзии. Замечательно оформил (нарисовал) всю книгу одесский художник Геннадий Палатников. Бардовская песня давно имеет своих поклонников — уверен, их теперь станет еще больше. Тем более, что театральные зонги становятся шампурами спектаклей, отлично поставленных Валерием Басселем.

Юрий Нипрокин.
"Этюды о гитаристах".
Одесса, 2002.
Издательство "Друк".

Юрия Нипрокина любители искусства в нашем городе до сих пор знали как талантливого гитариста-исполнителя. Интерес вызвали его концерты на стихи художника Игоря Божко. В новой книге Игорь Божко занялся естественным для себя делом — оформил обложку, а Юрий Нипрокин оказался не только неплохим очеркистом, но и серьезным исследователем. Впервые он проследил творчество гитаристов Одессы, многих из них воскресив из небытия, и мы узнали судьбы людей — от Захария Кипченко до Михаила Божия — за больше чем сто лет... И важно, что Нипрокин проследил традиции гитарного искусства, его связь с живописью буквально до наших дней.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

... В ИЕРУСАЛИМЕ

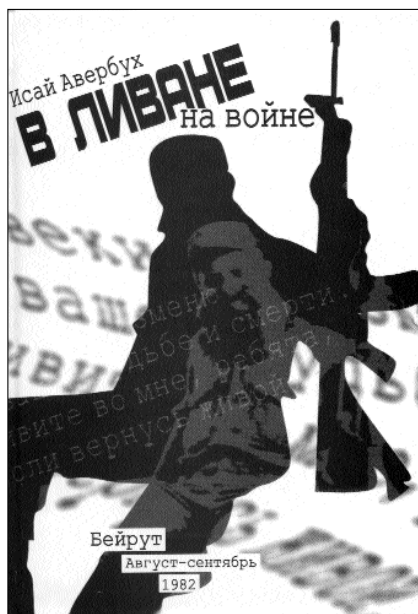
На той далекой, на Ливанской...

Мы познакомились с Саней Авербухом в августе 1968 года, на следующий день после вторжения в Чехословакию войск Варшавского договора. Он подарил нам чешско-русский словарь, обведя траурной рамкой город его издания — Прагу. Наш друг, непримиримый противник любого насилия над личностью, над духом, над народом, был тогда среди, увы, немногих наших соотечественников, открыто протестовавших против подавления демократических устремлений и в Чехии, и в Союзе.

В Израиле, куда он переехал в 1971 году, Саня стал признанным специалистом по истории еврейского народа, преподавал в вузах. Он и сегодня считается лучшим гидом по Земле Обетованной. Казалось бы, типичный горожанин, несколько лет проработал в кибуце, где "по науке" выращивал в Иудее и Самарии фрукты, которые полюбились во всем мире. В 1990 году, еще в советские времена, создал в Одессе отделение "Сохнута" (первое в Украине) и два года возглавлял его.

Убежденный пацифист-толстовец, он стал солдатом, его оружием была сумка с бинтами и медикаментами. Боевой санитар Авербух (эта воинская специальность — одна из самых уважаемых в Армии обороны Израиля) прошел две кровопролитные войны — Йом-Кипур 1973 и Ливанскую 1982 годов. На второй, как, впрочем, и на первой, в перерывах между боями писал стихи на русском языке. Так родилась книга "В Ливане, на войне", увидевшая свет спустя много лет в Иерусалиме. Почему же она так долго шла к читателю? Об этом мы говорили с Саней в Одессе нынешней осенью.

— Эти стихи, — говорит он, — были обращены тогда, в сентябре

1982-го, жене и крохотной дочке Рахели-Рае. По сути и по форме — лирический дневник человека, истосковавшегося по родным, попытка поделиться с ними чувствами, которые испытывает муж и отец, разлученный с самыми дорогими людьми, с домом на улочке в Старом Иерусалиме (нашему жилью более 800 лет), с книгами...

Дополню автора книги: это еще и исповедь солдата, воюющего на чужбине, теряющего товарищей, ощущающего, что добытая кровью победа зачастую транжируется политиками. Вот почему в 2000 году боевые друзья Исае Авербуха настояли: эти стихи обязательно должны быть изданы, так как они злободневны и сегодня, когда в Библейских местах вновь гремят взрывы, идет война, гибнут люди.

Что до названия этих заметок... Много лет назад именно в квартире юных братьев Авербух, в Первом Куликовском переулке, я впервые услышал крамольные песни Александра Галича и романтические баллады Булата Окуджавы. "На той далекой, на Гражданской..." Новые песни придумала жизнь.

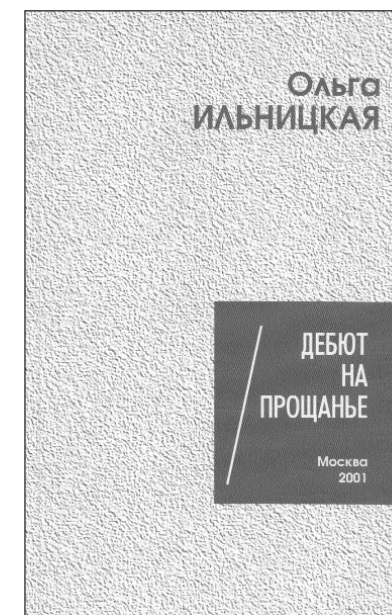
Феликс КОХРИХТ

... В МОСКВЕ

Любовь и отчаяние

Ольга Ильницкая — поэтесса и прозаик. А еще она рисует. Ее рисунки тоже есть в этой книге. А еще мне говорили, что она занималась фехтованием и побеждала в серьезных чемпионатах. А на вечере Ольги в Москве я слышал ее воспоминания о М.Я. Гефтере, который не то что оказал на нее влияние, а как-то понял-почувствовал движение или даже колебание ее духа.

Уже довольно давно не могу читать никакую прозу. Понимаю, что это плохо. То есть фактически получается, что я вообще книжек не

читаю, потому что книжками все-таки называются всякие повести, романы, рассказы, а не стихи и не научные же труды...

Книгу Ильницкой я открыл просто из любопытства, потому что знал стихи Ольги, интересовавшие меня по принципу непохожести на собственные, но близкие мерцанием чувства.

Затем я поймал себя на том, что перечитываю отдельные фрагменты, что меня интересует происходящее с женщинами, мужчинами и детьми, которые населяют прозу Ильницкой. И не только интересует, а удивляет. Удивляет женская отвага, небоязнь прямого письма, почти обнаженного. Поначалу вообще трудно понять, как она это делает. Из чего вообще ткется эта ткань, которая охватывает, не отпускает. Будучи наследником русской формальной школы, я, прежде всего, смотрю, "как сделана "Шинель". Сама Ольга в кратком предисловии тоже написала: "Я понимаю, что сгущение жизни — мое ремесло. Убеждена: пишущий обязан знать, что он делает и как он это делает". Но, конечно, не объясняет. Надо же какую-то работу оставить и критикам. Хотя вот подсказка — о "сгущении жизни". Белинский когда-то говорил, и за ним сотни повторили, о типическом. Сгущение, по-моему, лучше.

И вообще, я мог бы, конечно, объяснить с карандашом в руках, как это сделано, но странным образом не хочу этого делать. И даже понимаю — почему. Потому что эта проза (назову пока так, а потом подыщу что-нибудь получше) совершенно неожиданно захватывает область сердечного и нечленимого.

Например, рассказ "Как она была медведем" уместился в 23 строки. Но для меня он оказался целым романом. Одно только заключительное предложение стоит нескольких глав: "Она выпила столовую ложку (валерьянки, — С.Б.) и превратилась в затравленную прошлым женщиной, которая так и не прижилась в настоящей жизни".

Таким образом, это не проза вообще, а преодоление отчаяния и непреодолимость отчаяния. Каждый рассказ — это новая попытка преодоления: вот-вот выход — и снова этого выхода нет. Жизнь как трагедия существования, как неизбывная боль. В книге встречаются и приметы социальной жизни (из советского прошлого, например), но они лишь встречаются, они не определяющие. Главное происходит внутри человека. То, что происходит с ним, — помещается где, в какой подкорке? Можно ли управлять этой подкоркой? Ольга Ильницкая исследует разные варианты. В одних случаях кажется, что можно, но человек гибнет, в других — что нельзя, и человек вдруг выживает.

Маяковский в поэме "Про это" оставил одно слово произнесенным: "Имя этой теме...". Ну, все догадались, конечно, что означает это многоточие: любовь. У Ильницкой имя теме то же. Может быть, именно в этом слове-понятии все и помещается. "Есть любовь или нет, какая — большая или маленькая" и т. д.

Вот это очень непонятное и непонятое, несмотря на Фрейда вкуче с Юнгом, чувство ли, состояние ли в книге Ильницкой мерцает, светится, горит, взрывается. Любовь и отчаяние. Такое противостояние и слияние. Этим книга пронизана, как полосой света (один из рассказов так и называется — "В полосе света"). Есть и "крупная форма" — "Круизный роман" с подзаголовком "история любви и ревности", и "Место мира", с авторским обозначением жанра "короткий роман". И тот и другой, конечно, как романы абсолютно неклассичны. И это неудивительно в конце XX века, в котором роман претерпел столько изменений. Впрочем, большей частью в других литературах. Важно, что на сей раз свой вид романной формы предлагает русская писательница. Оба романа тесно связаны, вплоть до того, что авторство первого приписывается героине второго. Тексты близки тематически и событийно. Это вроде бы два разных исполнения одного и того же "жизненного материала". Но автор справедливо предупреждает не искать соответствий с этим самым материалом. "Когда б вы знали..."

В романе "Место мира" Старик (с одной стороны, наставник более юных своих друзей, а с другой — равный им по возможности или невозможности преодоления судьбы) говорит своей собеседнице о жизни: "Первую пережила? Напиши. И вторую пережила? Напиши".

Собеседницу зовут Левка, потому что ее знак Лев. Она пишет некое произведение, она выдумывает этих людей, но на самом деле она ничего не выдумывает, и эти романские герои живут в ней, сталкиваются с ее миром, который здесь же записывается — параллельно-перпендикулярно. То есть иррационально, неправильно. Судьба романистки, "испытывающей" на прочность "прекрасную геометрическую фигуру" — любовный треугольник, — оказывается, переплетена с текстом, который она пишет о "других". "Левка сморщилась и отложила ручку. Пожаловалась Водолею, что героиня заболела. Чтобы Левка не мучилась, Водолей посоветовал смотреть не вглубь, а вдаль, не на человека — вокруг человека". Но дело в том, что Водолей — один из углов треугольника. И он уже стал действующим лицом романа. Его совет, как, впрочем, и советы всех остальных здесь, — это способ письма о пережитом. Надо только "следить за скоростями и языком". Ведь писатель постоянно выясняет — кто, что и как говорит. И читатель

выбирает чью-то сторону. Но в случае с прозой Ольги Ильницкой выбор, мне кажется, невозможен. Мы не можем встать на чью-то сторону, как говорят современные политики, "однозначно". Мир этой прозы не черно-белый, а цветной, радужный, то есть цвета постоянно смещаются, затягиваются друг другом, их не рассечь. А если попытаешься рассоединить, то попросту разрушишь этот мир. Писательница (или ее героиня) где-то говорит, что ее интересует разлом. Но если это так, то в разломе ее, похоже, интересуют цветные кристаллы, которые не так видны на гладкой поверхности. Ее и нас, тех, кто погружается в этот разлом прозы, захватывает мир в своей обнаженности, в неустойчивом равновесии. Мы сами — эти кристаллики, в нас постоянно происходит разлом.

Между прочим, я пишу эти заметки, параллельно читая книгу. Вот, когда предыдущую фразу дописал, принялся читать следующее произведение неопределенного жанра "Вспомнить себя, или Прощай, эпистолярный жанр!". И там вскоре наткнулся:

"Я всегда, с детства, любила калейдоскоп. Он тревожил меня. Это единственная игрушка, до сих пор вызывающая у меня радость... Два я разобрала сама, один разломал сын. И всякий раз я испытывала странное чувство: как будто не разломали, а починили, вернули к целому..."

Это страшное чувство.

Узналось — когда разламывается любовь, в разломе видится и знается путь к другому целому... Через разлом только и возможный.

Может быть, на свете горя нет? А есть непонимание?"

Ольга Ильницкая безусловно обладает даром "сгущения жизни". Вероятно, это дар поэтический. Ее проза — это преображенная поэзия. Такие преображения необходимы, ибо подключаются иные энергии.

Я начал эти заметки с признания, что вообще не читаю прозу. Но сейчас вспомнил, что это не так или не совсем так. Оказывается, читаю, и прочел довольно много! Просто, видимо, настолько не задело, не совпало и т. д., как бы даже и не читал. Это абсолютно не в укор прозаикам. Не могут же они всех потенциальных читателей принять в расчет!

Ольга Ильницкая, может быть, тоже разбирала калейдоскоп из собственного интереса.

Но странным образом эти стеклышки брызнули вблизи от моего взгляда, и, пока они летели, в них успело преломиться множество лучей, и я успел прочесть в этой вольной игре то, о чем попытался здесь рассказать.

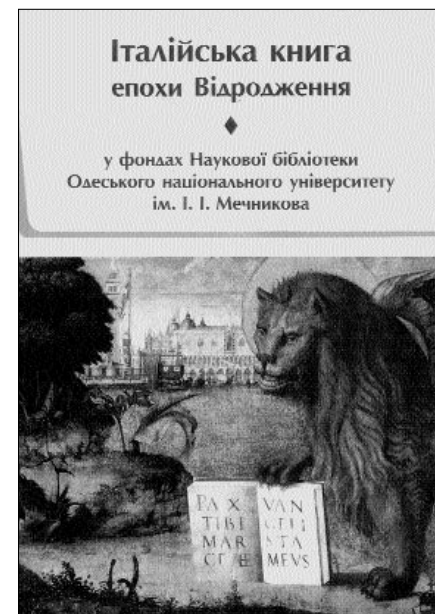
Сергей БИРЮКОВ

... В ОДЕССЕ

Библиография Ренессанса

Не так уж часто выходят в нашем городе библиографические издания, каковые можно назвать событийными. И к их числу, несомненно, относится аннотированный указатель "Итальянская книга эпохи Возрождения в фондах Научной библиотеки Одесского национального университета имени И.И. Мечникова", недавно выпущенный местным издательством "Астропринт".

Указатель включает 227 наименований старинных книг по этике, теологии, политологии, юриспруденции, точным наукам, искусствоведению, языкознанию, истории, географии, сельскому хозяйству, а также художественной литературы. Отмечая значимость этой коллекции, автор вводной статьи, авторитетный историк-медиевист Елена Радзиховская уточняет, что речь идет не только об изданиях, увидевших свет в городах Апеннинского полуострова в XV-XVII столетиях, но и о книгах итальянцев, вышедших в это время и в других европейских странах. Таким образом, помимо итальянских грандов книгопечатания — Венеции, Падуи, Милана, Генуи, Болоньи, Неаполя, Турина, Флоренции, Рима, — в собрании имеются иллюстрированные старопечатные тексты, опубликованные в Амстердаме, Базеле, Кракове, Лондоне и т.д. Этим поистине уникальным корпусом историко-культурологических первоисточников пользуются не только наши земляки, но научные работники, преподаватели, библиофилы, — без преувеличения, — со всех концов света. В том числе, "из метрополии" — исторической родины этих бесценных фолиантов, Италии.

Издание хорошо оформлено и отменно проиллюстрировано книжными знаками с впечатляющей атрибутикой ретроспективных издателей и издательств, портретами авторов, изображениями титульных листов, репрезентативными образцами книжной графики, а также снабжено именным указателем.

Полагаю, самых добрых слов заслуживают как инициаторы, так и исполнители этого во всех отношениях достойного издания — руководство университета и библиотеки, научный редактор, издательство "Астропринт", но в первую очередь, разумеется, составитель — Елизавета Савельева. Это далеко не первый и, надо полагать, не последний труд многоопытного библиографа, любимого как читателями, так и коллегами.

Олег ГУБАРЬ

ПОЗДРАВЛЯЕМ! Живи долго, УГОЛЕК!

**ГРИГОРИЮ ПОЖЕНЯНУ, ЧЛЕНУ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
НАШЕГО АЛЬМАНАХА, ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ.**

Я старомоден, как ботфорт
на палубе ракетноносца,
как барк, который не вернется
из флибустьерства в новый форт...

В галерее поэтических автопортретов — от Александра Пушкина до Андрея Вознесенского — эти строки не затеряются. Редко кто из отечественных стихотворцев говорил о себе с такой самоиронией и, вместе с тем, с чувством собственного достоинства. Разве что, Денис Давыдов. Они похожи — и внешне (невысокие крепьши-усачи), и послужными списками (защищали родину в первую и вторую Отечественную), и бунтарским нравом (за что не раз претерпели от начальства), и успехом у барышень и дам. Гусарский полковник дружил с декабристами, старлей-разведчик морской пехоты однажды выбросил за борт наглого замполита, пристававшего к сестре милосердия...

В особом отряде, polegшем смертью храбрых в дни обороны Одессы, Гришу называли Угольком — за чернявость (армяно-еврейская смесь) и взрывной нрав. Увы, все меньше остается в нашем городе тех, кто зна-